

Художественная иллюстрация как средство постижения поэтического текста (на материале работ С.С. Косенкова)

Аннотация: В данной статье на примере творческого диалога художника С. Косенкова и поэта А. Прасолова рассматривается одна из важнейших проблем методики преподавания литературы – использование иллюстративного материала при постижении поэтического текста.

Ключевые слова: иллюстрация, зрительный образ, поэтический текст, художественная деталь.

Abstract: In this article on the example of creative dialogue of the artist S. Kosenkov and the poet A. Prasolov one of the most important problems of a technique of teaching literature – use of illustrative material at comprehension of the poetic text is considered.

Keywords: illustration, vision, poetic text, art detail.

Давно стала аксиоматичной мысль о том, что, осуществляя связь произведений литературы с другими видами искусств, изучение самой литературы можно сделать на порядок более продуктивным. Важную роль в этом процессе играют различные виды наглядности. При этом зрительные образы, зрительная наглядность в большей степени привычны и понятны современному поколению школьников, устремленному в экраны смартфонов и компьютеров, поэтому наиболее продуктивным, на наш взгляд, будет постижение литературного произведения на основе синтеза звукового и зрительного ряда. Это не только позволит вызвать интерес к уроку, помочь учащимся в понимании и интерпретации литературного произведения, но и окажет влияние на их эмоциональную сферу, усиливая таким образом воспитательное воздействие слова. В этой связи, на наш взгляд, особый интерес вызывают работы С.С. Косенкова – члена Союза художников СССР, обладателя почетного звания «Заслуженный художник РСФСР», лауреата многочисленных премий и дипломов, иллюстратора творчества А. Пушкина, Е. Носова, Н. Лескова, Ф. Достоевского, иллюстрации к романам которого принесли художнику широкое признание, а вместе с ним и две золотых медали (Лейпциг, Брно).

Однако в данной статье мы обратимся к произведениям земляков – современников С. Косенкова, изучение творчества которых может найти применение в школьном обучении, как на уроках литературы, так и во внеурочной деятельности. Это серия рисунков «Жизнь прожить. Памяти А. Прасолова» и поэта А. Прасолова (книга «Стихотворения», вышедшая в 1988 году, где важное место занимает тема Великой Отечественной войны). В иллюстрируемом С. Косенковым сборнике воронежского поэта уже третье стихотворение «Когда созреет срок беды всесветной...» отражает то пограничное состояние жизни, которое разделит поколения на довоенное и военное. Заметим попутно, что у С. Косенкова есть цветная линогравюра 1975 г., название которой почти полностью совпадает с эпиграфом к данному тексту А. Прасолова: «4.00 22 июня 1941» – у Прасолова, «4 ч. 00 мин. 22 июня» – у Косенкова.

Вступая в диалог с поэтом, художник на рисунке, расположенном на стр. 12, стремится запечатлеть зыбкую грань, которая отделяет два мира: *«Когда созреет срок беды всесветной, / Как он трагичен, тот рубежный час, / Который светит радостью последней, / Слепя собой, неискушенных нас»* [1: 13].

Рисунок Косенкова точно воспроизводит содержание поэтического текста. Так, ощущение радости человека, еще «неискушенного», не ведающего о предстоящей трагедии: *«Они в неведение – и пусть»* [1: 36] – передается через фигуру безмятежно спящего ребенка, чью хрупкость и незащищенность подчеркивают и его обнаженное тельце, и поза. Двуплановость поэтического текста рождает контрастные образы: *«радость последняя»* и *«беда всесветная»*. На иллюстрации «рубежный час» передан контрастными совмещениями черного и белого цвета, противопоставлением созревших колосьев и зияющей бездны: *«Как он трагичен, тот рубежный час, / <...> / Он как ребенок, что дополз до края / Неизмеримой бездны на пути, – / Через минуту, руки простирая, / Мы кинемся, но нам уж не спасти...»* [1: 13].

Еще не прогремели первые военные залпы, не слышны разрывы бомб, люди еще не знают о предстоящей беде: *«<...> Никто еще не знает, / Что пять минут осталось до войны. / Шепни: «Проснитесь! Тишине не верьте / Пусть трубачи тревогу проюют! / Кому-то ровно пять минут до смерти / И до бессмертья ровно пять минут»* [2: 266], а ее ощущение уже передают обрамляющая рисунок темная рама и сорвавшийся одиноко летящий лист (*«И страшно молод и доверчив, / Как сердце маленькое, – лист, / И стынет он по-человечьи, / <...>»* [1: 22]).

Предостерегающая, предупреждающая память – важнейший мотив обоих произведений, переводящий изображение в философско-обобщающий план. *«Как он трагичен, тот рубежный час, / <...> / И весь он – крик, для душ не бесполезный, / И весь очерчен кровью и огнем, / Чтоб перед новой гибельною бездной / Мы искусенно помнили о нем»* [1: 13].

Мотив памяти становится одним из основных и на рисунке, расположенном на стр. 78-79, который вместе с предыдущей иллюстрацией образует, на наш взгляд, своеобразную диалогию. Вновь перед нами обнаженная фигурка ребенка, но теперь он сидит среди одуванчиков спиной к зрителю. Вновь перед нами пограничное состояние мира, но теперь уже не между настоящим и будущим, а между прошлым и настоящим, которое художник и здесь передает с помощью контрастных образов. Островок счастливого, спокойного существования отделяет от спелых колосьев чертополох, а на заднем плане за колоссящимся полем изображена зияющая воронка – бездна, из которой тянутся многочисленные ряды фотографий. Создается ощущение, что мирная жизнь, хрупкость которой передана и обнаженной фигурой мальчика, и окружающими его шапками одуванчиков, оплачена множеством потерь, утрат, смертей.

*Ты отгремела много лет назад,
Но, дав отсрочку тысячам смертей,
Еще листаешь календарь утрат,
В котором числа скрыты от людей.*

*Убавят раны счет живым годам,
Сомкнется кругом скромная семья,
И жертва запоздалая твоя
Уходит к тем, что без отсрочки – там.*

*И, может быть, поймут еще не все
У обелиска, где суглинок свеж,
Как он глубоко в мирной полосе,
Твой самый тихий гибельный рубеж [1: 82].*

Мы сталкиваемся здесь с характерной для художественного почерка С. Косенкова чертой: иллюстрация, рисунок не замкнуты конкретным фрагментом текста, поэтому они, скорее, выражают чувства, переживания и ассоциации, которые пробуждает текст, чтобы вызвать новый, еще более широкий ассоциативный ряд.

Глубоким драматизмом наполнен и один из эпизодов военной поры, нашедший отражение в стихотворении «Рубиновый перстень» («*В черном зеве печном...*»), сюжет которого передает целую гамму переживаний.

Мальчику, герою произведения Прасолова, врезалась в память следующая сцена: у печи сидит немец, отогревая над огнем «кобоженные стужей ладони». Поражает нехарактерный для изображения врагов портрет героя, построенный на контрастах: с одной стороны, он «сыт и силен», беспощаден и жесток, а с другой – он абсолютно трезв во время банкета, сидит и смотрит на горящие поленья, «уставясь незряче». Экспрессивность эпизода усиливают слезы, которые он пытается скрыть от мальчика и поэтому вновь и вновь выгоняет ребенка за дровами «на ветер». Детское сознание не может понять и объяснить происходящее: *Непонятно мальчишке: / Что все это значит? / Немец сыт и силен – / Отчего же он плачет?..* [1: 19]. Ответ на вопрос дают реалии 1943 года. Фашисты сильны: «*новогоднюю ночь полосуют ракеты*», «*мелом беленные «тигры» давят лапами снежные русские вихри*», виселица на выгоне, повешенная на ней девушка. Потрясенному злодеяниями врагов ребенку «*эта виселица с безответною жертвою*» казалась «*первою буквой*» «*в слове Гитлер*».

Параллельно Прасолов описывает банкет в жарко натопленной школе – немцы празднуют наступление Нового года. Их воздетые к небу «*с фляжками пьяные руки*» и развлечения напоминают пир во время чумы. Однако мальчика поражают не эти, ставшие уже привычными, действия врагов, он сосредоточен на нетипичном – на образе трезвого офицера, который не может согреть ладони в жарко натопленном здании. Странный немец, вероятно, задумался о своей судьбе и о судьбе своей страны, предвидя горькую участь Германии. Поэту в небольшом фрагменте текста удается показать, как одно и то же событие по-разному воспринимается ребенком и взрослым человеком. Сцена пира победителей становится своеобразным пророчеством их ближайшего будущего. «Господа офицеры» в учительской целят «в желтый череп скелета», и этот привычный для школьников атрибут урока анатомии со своими «*холодящими глазницами*» и «*злорадным оскалом*» оборачивается

предупреждением. Мертвая голова – вот итог притязаний представителей высшей расы на чужую землю и господство над миром. И подтверждением этому звучат строки о том, что «*дальним гулом с востока*» идет «*сорок третий*» – год, переломивший ход войны.

Интересна идейная трансформация одной из деталей одежды врагов – «*угловатый орел над нагрудным карманом держит свастику в лапах*». Поначалу эта деталь воспринимается как символ непобедимости Третьего рейха, а потом становится олицетворением трагической участи Германии. Трансформации подвергается и рубиновый перстень, принадлежащий «*странному*» офицеру. В начале стихотворения говорится: *Въелся в синюю мякоть / Рубиновый перстень – / То ли краденый он / То ль подарок невестин* [1: 17]. Вероятнее второе: перстень давно не снимали с пальца, а так относятся только к дорогим знакам. В финале поэтического текста эта деталь свидетельствует о бесславной гибели в чужой стране: *А неделю спустя <...> / Изпод снега чернели / Немецкие руки. / Из страны непокорной, / С изломистых улиц / К овдовевшей Германии / Страшно тянулись. / И горел на одной / Возле школы, / На въезде, / Сзустком крови бесславной / Рубиновый перстень* [1: 19]. Примечательно, что сквозь призму детского восприятия автор сумел показать человеческие качества в образе врага.

Мысль о том, что в огненном зареве войны не только росла ненависть к врагам, закалялась воля, но и выкристаллизовывались заложенные в мирное время гуманность и нравственность, неоднократно звучит в произведениях А. Прасолова. А у С. Косенкова на стр. 164-165 есть иллюстрация, на которой изображен урок в освобожденной от фашистов деревне. О недавно затихших боях свидетельствуют остовы печных труб и ребра обгоревших изб. На первом уроке на самодельной, сколоченной из уцелевших обломков доске зафиксирована дата – 1 сентября 1943 года. Под открытым небом ученики старательно выводят самые дорогие слова: «Родина» и «Победа», смысл которых маленькие граждане уже вполне осознали: в годы войны детская душа переживала стремительное взросление, постигая истинную ценность вещей, чувств, поступков, отношений.

Итак, привлекая при изучении художественного текста иллюстративный материал, учителю, безусловно, необходимо подготовить зрительское восприятие, сообщив ученикам хотя бы общие сведения о личной и творческой биографии данных художников. Завершить данную работу можно, предложив учащимся различные рода творческие задания, примером которых могут служить следующие: 1) Средства выражения авторской идеи у поэта и художника (на материале произведений А. Прасолова и С. Косенкова); 2) Как вы понимаете следующее высказывание С. Косенкова о А. Прасолове: «Это поэт моей судьбы»? 3) «Война – жесточе нету слова. Война – печальней нету слова» (А. Твардовский). Тема войны в произведениях А. Прасолова и С. Косенкова; 4) «Со страны начинаюсь. С войны начинаюсь». Насколько, на ваш взгляд, данное высказывание Ю. Кузнецова является актуальным для понимания творчества А. Прасолова и С. Косенкова; 5) Своеобразной метафорой судьбы довоенного, военного и послевоенного поколений является ри-

сунок С. Косенкова «Безотцовщина». Помня о том, что у С. Косенкова изображение не должно быть замкнуто конкретным фрагментом текста, а должно выражать чувства, переживания и ассоциации, которые пробуждает текст, «проиллюстрируйте» данный рисунок поэтическими строками А. Прасолова;

6) Проведите сопоставительный анализ произведений А. Прасолова «Когда созреет срок беды всесветной...» и С. Косенкова «4 ч. 00 мин. 22 июня»;

7) Представьте, что вы – художник. Какое стихотворение А. Прасолова вы бы проиллюстрировали и почему?

Такого рода творческие задания, в свою очередь, дадут возможность учащимся не только глубже познакомиться с биографией обоих художников, но и вспомнить историю страны, поразмышлять о важнейших категориях человеческого бытия.

Литература

1. Прасолов, А.Т. Стихотворения / А.Т. Прасолов. – М.: Современник, 1988. – 240 с.
2. Прасолов, А. Стихотворения и поэмы / А.Т. Прасолов. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1984. – 382 с.

*Л.А. Половченко (Белгород, НИУ БелГУ)
Alexsandrovna2014@yandex.ru*

Так чей же кисель в «Сказании о белгородском киселе»?

Аннотация: Споры о местонахождении города Белгорода, упомянутом в «Сказании о белгородском киселе», не утихают до сих пор. С опорой на исторические факты делаем вывод о том, какой же именно Белый город спасла хитрость его жителей.

Ключевые слова: Белгород, Белгородка, печенеги, летопись, кисель.

Abstract (Summary): Disputes about the whereabouts of the city of Belgorod, mentioned in the "Legend of the Belgorod Kisel", do not cease until now. Based on historical facts, we will draw a conclusion about which White City was saved by the savvy of its inhabitants.

Keywords: Belgorod, Belgorodka, Pechenegs, chronicles, kissels.

Как специфический литературный жанр летописание зародилось в Киеве в конце X века. Первым летописным сводом Древней Руси был Киевский летописный свод. Позднее он перерабатывался и вошел в состав древнейшего Киевского свода. Этот свод впоследствии также многократно перерабатывался и переписывался иноками Киево-Печерского монастыря, пока не принял окончательный вид и стал называться «Повестью временных лет». Как отдельный самостоятельный памятник «Повесть...» не сохранилась [3]. Эта дошедшая до нас летопись излагает события русской истории до 10-х годов XII века. Ее первая редакция была составлена около 1113 года Нестором, монахом Киево-Печерского монастыря. Согласно вероятному предположению ряда ученых (М.Х. Алешковский и др.), повесть ещё несколько раз редактировалась и копировалась. Только Новгородская первая летопись сохранила до наших дней более или менее цельный текст первой редакции «Повести...» в составе свода 1118 года [1: 433]. Благодаря широте кругозора и литературному таланту Нестора «Повесть временных лет» явилась «не просто собранием фактов русской истории и не просто историко-публицистическим сочинени-